Мы были все одна страна / поэма

Category: Kitapcy,Poemalar
написано kitapcy | 24 января, 2025
Мы были все одна страна / поэма МЫ БЫЛИ ВСЕ ОДНА СТРАНА

ПРОЛОГ

Как много значили слова:
столица родины – Москва…
И я, и ты, он и она –
мы были все одна страна!

А нынче, кругом голова –
разыграна мистерия?
Но гулко падают слова:
разрушена империя…

Но демократии оплот
и ракурс нынешних свобод
лишь только в откровеньях от ..,
а как теперь живёт народ!?
…

1.

Зимы центральный пост-оплот
бесснежно, неприкаянно
у кромки прибалтийских вод
завис январь над Таллинном.

Пощёчин не жалел Борей –
до слёз хлестал, до волдырей…
И, напевая Грига песнь,
сбивал у гордой Риги спесь.

Наброшен легкий пеньюар

на Вильнюс дымкой тонкою,
и зимний бенефициар
— погода нынче скомкана…

Под светом тусклых фонарей
парадных, запертых дверей —
чернеет в убранстве вдовы
древнейший стольный град Литвы…

На рижском взморье мир чудес
пленительная Юрмала —
мир шутников и клоунесс
на фестивалях юмора…

Так было пару лет назад:
в афишах прятался фасад,
от смеха Дзинтари плясал
и утопал в аншлагах зал.

А нынче — все наоборот.
Такая катавасия:
разбродом вымучен народ
ни мира, ни согласия.

По строгой готике видней
проглядывает проза дней —
что слякоть не выносит эст,
ему желаннее норд-вест,

что жив едва литовский порт
таинственная Клайпеда,
мельчает производство шпрот
от санкций евро-аспида…

Печать готических фрактур,
ожившей россыпью гравюр,
в рекламной пошлости огней
выглядывает из теней.

Тьма привлекает дикарей
из мусульман-фанатиков,
от тёплых берегов морей
наехавших в Прибалтику.

Владельцы куфий и шальвар
привносят хаос и кошмар,
с нахальством тюркского вождя
свои обычаи вводя

туда, где жил неспешный балт,
когда-то бывший юнгою,
и наблюдал прибоя гвалт
под пенными рисунками.

2.

Лёг фоном между куполов
закат не розов, не лилов,
а сизо-красный, будто зло
на царство дьявола взвело

по минской чистоте дорог
притихшей Белоруссии
где виртуозно демагог
опять ведёт дискуссии:

— Не я разваливал Союз,
но я увидел в этом плюс!
Сестра под боком, та же Русь.
С ней — даже чёрта не боюсь.

И так политику крою,
и верю в это искренне —
при власти, так же, как в бою —
живёт, кто первым выстрелит.
.

— На карте нет у нас морей

но есть рукав для козырей:
Креветка не меняет вкус
придя из Клайпеды в Бобруйск…

Бананы, киви, сельдь и хек –
Плевали на бойкоты мы,
Наклеив ярлыки поверх,
Всё-всё переработаем…

Не разъедает совесть ржа,
ведь главное была б маржа –
об этом знает грек и прус
(ловкач ухмылку прячет в ус.)

ТС же создала не зря
торговлебандобратия,
попользуем его друзья
на благо демократии.

Ввезём и рыбу, и шафран
из бывших постсоветских стран…
а вслух добавит хитрован:
«Поддержим братьев молдаван»…

Певунья, виноградный край
СССР – Молдавия…
А нынче ей хоть помирай,
дыра дыры дырявее.

В стране поверженной долгам
закон не вязан и не ткан.
По деревням, и в округах,
где нищета в полушагах

живут помимо молдаван
в садочках с черемшинами
оседло таборы цыган,
что мнят себя румынами…

Хоть на язык любой поган,
болгарин с гагаузом там
не ссорятся по пустякам,
турецкий помня ятаган.

Сельскохозяйственной была
всегда страна Молдавия –
сегодня плохи их дела
страдают все аграрии.

попутал окаянный бес
без полноправия в ЕС
вступить партнёрство Кишинёв.
– Орлу, какому на поклёв?

Орел? А может пустельга?
Заокеанской гадине,
обидой встала недолга –
с Россиею не сладила:

– в Тирасполе не тот эффект,
– сухум-цхинваловый дефект,
– а после Мишико – аффект…
– провальный киевский перфект…
…
Майдан, декабрь, как на алтарь
взошла без лицемерия –
небрат – девчушка, но кобзарь,
круша стыда критерии.

Ах, Настя! Что за декаданс?
В просторах интернет пространств
на пошлом русском вирш везде,..
а як же рідна мова, де?

Другой дивчине – позарез
нужны трусы в кружавчиках
и обязательно в ЕС…
Під хлопчика Густавчика.

У мрії зад не лізе в рым,
блакитна мла сховала Крим…
Но скачет Украины треть,
как больно на неё смотреть.

Очередной рождая станс:
«Бей колорадо-ватников»,
вводя толпу речёвкой в транс-
майдан родил стервятников…

Вослед безумья резонанс –
не спит Донецк, в огне Луганск,
на крышу падает снаряд
разрыв и этажи горят…

И горсть невысказанных слов
то режет суть осколками,
то, распадаясь до основ –
обиды множит колкие.

3.

Теперь иной рассмотрим штрих
другой выписывая стих:
другой подход, другая боль,
но это важно нам с тобой.

Сто наций здесь, но погляди –
настолько грани узкие
сосед у курда – осетин,
а снохи у них – русские…

До облаков сойдясь в одно
невыводимое пятно
в степи раскинула крыла
под снегом быль – белым бела –

но это нынче ветра вой
январь трещит морозами,

но скоро станет степь другой –
сразив метаморфозами…

Такой сегодня Казахстан,
где Назарбаев Нурсултан
оберегает свой народ,
не сможет никакой урод

казахам подложить свинью:
ни розовую пассию,
ни голубую секс-семью,
ни прочие фантазии…

Живёт себе нормально люд:
зло не возводит в абсолют,
в своих традициях хранит
седой истории магнит.

Киргиз – почти казаху брат.
Язык один практически.
Похожи нравы и уклад,
неразличим фактически.

Пускай немного не бог весть –
отличие бесспорно есть,
чуть-чуть в быту, чуть-чуть в словах –
в степи казах– киргиз в горах.

До нашей эры IIIвек –
кнутами звонко щёлкая
индус, китаец и узбек
путь протоптали шёлковый.

За караваном караван
везли товар далёких стран
для челяди и для вельмож
через Узген и через Ош.

И в каждый караван-сарай,

где в пыль земля исхожена –
усталый путник, словно в рай
входил, как завороженный.

Не сильно изменился край,
Точь-в-точь такой растёт курай,
какой и раньше ел верблюд…
Как прежде добродушный люд:

для гостя ничего не жаль,
бурдюк с кымысом* кожаный
преподнесут, быштак* и жал*,
хотя ты гость непрошенный.

А дальше сказ продолжим так:
стоит гора, за ней кишлак…
Идёт таджик, несёт гиджак**,
а рядом семенит ишак.

тропинки горной вьётся нить
сквозь дебри можжевельника…
Нельзя так просто отменить
таджикам понедельники***…

(***Душанбе в переводе- понедельник)

Всю жизнь горбатится таджик.
где сухо выроет арык,
и там где не было воды,
ему хурма даёт плоды.

Тщеславен он до тошноты,
чтоб утолить амбиции
работает до маеты.
Во всём блюдёт традиции:

Под небом светло голубым
по краю тропки вдоль скалы,
где наверху живут орлы,

идёт ишак везёт калым.

Вся жизнь стремленью отдана
отгрохать сыну свадьбищу,
чтобы услышали карнай
на самом дальнем пастбище.

**кымыс кислое кобылье молоко*
****(айран – козье или коровье кислое молоко.*
быштак- творог из кипячёного молока.
Жал – вяленая конина.)
***Гиджа´к (тадж. гижак; узб. g`ijjak, ғижжак) – струнный смычковый инструмент народов Средней Азии (таджиков, туркмен, узбеков, уйгуров), близкий родственник персидской кеманчи. Корпус инструмента шарообразный (изготавливается из тыквы, крупного ореха, дерева или других материалов)*

4.

С узбеками другой аспект
Хитрей людей на свете нет;
где жив узбек – есть виноград,
метёный двор, зелёный сад,

тандыр, мангал и дастархан –
всё у него по полочкам.
В своём дворе паша и хан.
В дождливый день и солнечный

узбек не занят ерундой
будь старый – или молодой.
Аллахом в дар ему дана
трудолюбивая жена:

всегда застеленный топчан
цветными одеялками,
заварит в чайнике кок-чай*
чуть- чуть нальет в пиалку и

не поднимая головы,
подаст, предложит кос-халвы**,
скромна, застенчива, тиха
покуда младшая сноха.

…Но, как наследника родит,
характер так испортится –
что кажется, брала в кредит
терпенье эта склочница.

Теперь немного про туркмен:
хоть нынче – ветер перемен,
как век назад, в любой сезон
живут, как жили испокон –

туркмен любому гостю рад,
причём без лицемерия
как, впрочем, каждый азиат –
такие здесь критерии.

Как прежде, старость – голова
(звучит наверно выспренне),
здесь почитают дух родства
и очень ценят искренность.

Характер жителя пустынь
не светский, свет ему постыл.
Подачек хитрый охмурёж,
не принимает он за ложь,

и весь пустынный регион
болеет госсубсидией,
что кажется, вживлён гормон
любить руководителей.

Неважно, что достатка нет,
у них – любимый президент…
Плевать, что заработки – грош,
Зато как стольный град хорош!

Стоит в пустыне город-сад
в одежде беломраморной
сегодня славен Ашгабад
великолепьем камерным.

**Для справки вспомним – например
доступнее был в прошлом Мерв,
где правил шаханшах Мубад,
никто не знал про Ашхабад**

во времена прекрасной Вис,
прославленной курьёзами.
Исписан не единый лист
о ней в стихах и прозою.

Где выдумка была, где быль,
сокрыла вековая пыль.
В ту правду, что хранят пески,
не верят даже простаки,

ведь в средней Азии всегда
прищур был настороженный
у аксакалов борода
да ичиги с калошами.

Киргиз, таджик, туркмен, узбек-
он – азиатский человек!
Объединяет всех один
Ходжа бессмертный Насреддин.

Но про Ходжу отдельный сказ,
другая аллегория.
А мы поедем на Кавказ,
там соберём истории.

* *кок-чай в переводе на русский зелёный чай*
** *Восточная белая халва.*

Непрост через границы квест
И ехать далеко в объезд …
Маршрут проложим без дорог –
мы через Каспий поперёк!

Но Каспий дремлет в январе.
Зимой не до мобильности,
над морем властвует Борей,
в погоде нет стабильности.

Поэтому, читатель джан,*
мы поплывём в Азербайджан –
но через Каспий не попрём
холодным снежным январём.

*В азербайджанском – «душа», «жизнь».
Может служить приставкой-окончанием к имени нарицательному при обращении к человеку, выражением симпатии и уважения к нему.

Когда весну споют ветра,
прогонят зиму – бестию,
а море скажет нам – пора –
начнется путешествие…

Помчится катер словно бес –
наискосок, слегка норд-вест
по румбу это или без –
седой волне наперерез.

Вот наконец-то мы в Баку!
Крик чаячий, встревоженный…
Шепнув волнам « мерси боку»,
проходим на таможню мы.

Любой таможни атрибут
огромной очереди спрут
и чтобы получить пайду* ,
здесь на любой подлог пойдут…

пайда ж., Приношення, дарунок.

Конечно, стыдно говорить
об этом поэтически.
Но нет у нас назад пути
ни в мыслях, ни фактически.

Весной особенно красив
Баку, когда волна басит
и, разбиваясь о причал,
накатывает новый вал.

Древнейший город твои сны
хранимы минаретами,
двухрядьем крепостной стены –
седых легенд отсветами.

О! Славный Ичери́-шехе́р,
ты, возвышался на холме
но был всегда песчано-сер,
на фоне зелени дерев…

Ичери́-шехе́р (азерб. İçəri şəhər – Внутренний город), в простонародье – Крепость[3] (азерб.Qala), или «старый» город

В касыдах перса Хагани,
встречал ты настороженно
и крики звонкой ребятни
и шепоток встревоженный.

Но нынешний Баку – другой,
вдоль моря выгнутый дугой,
по старому, без скоростей
встречает дорогих гостей.

Красот такой диапазон –
фонтаны, клумбы здания,
в любой момент, в любой сезон,
полны очарования.

На Апшероне ты стоишь
кавказский оперный Париж,
и нынче издали видны
Кристальный зал и флаг страны…

Есть разве красоте предел(?) –
такое ощущение –
в роскошном блеске площадей
умрёшь от восхищения.

Приходит восхищенью крах,
как только вспомнишь Карабах.
На землю брошенный платок
не смог остановить поток

ненависти. А в чём изъян?
Что стало между братьями?
Тех, что с фамилией на «ян»
с азербайджанкой матерью,

от тех, с приставкою оглы –
различье в остриё иглы –
всё та же кровь не дать не взять,
когда у них армянка мать!

6.

В чём, объясните корень зла?
Такое ощущение
роль отпущения козла
отведена Армении.

Из тьмы веков ведёт народ
Пусть небольшой, но гордый род.
От Айка до сих пор хранит
язык, святую веру, быт.

Стремится каждый армянин
(скажу вам доверительно)

попасть в святой Эчмиадзин
коснуться стен-хранителей

реликвий духа христиан.
Храм этот символ для армян –
своеобразный аргумент
армянской Веры монумент.

Их убивали и не раз,
терзая за конфессию…
Шах Исмаил и шах Аббас
переселяли в Персию…

Век девятнадцатый конец –
убиты старец и малец.
Ужасна Смирнская резня,
тринадцатого сентября:

погибло двести тысяч душ –
их мольб во избежание
оркестр играл бравурный туш,
и выгорали здания.

А нынче? 21 век!
Как изменился человек?
А может просто стал добрей,
мир избавляя от скорбей?

Для турок совесть – дефицит,
вся по́ ветру развеяна,
не признан ими геноцид,
нет горечи в содеянном…

Напрасно Бог ждёт от людей
чтоб в Палестине иудей,
свободно жил и не был бит,
и сам не думал где бомбить.

Не стал добрей ни люд ни мир.

Всё те же депортации,
и золотой телец – кумир,
и дети в резервациях.
…….

В стране, прекрасной словно день,
где в снежной шапке набекрень
стоит на страже исполин,
красавец, всеми ты любим –

незабываемый Кавказ!
Натянет солнце небо в пяльцы
и выставляя напоказ,
твои вершины, словно пальцы

и вышьет зори по канве:
рассветный луч протянет вверх,
закат приглушит в синеве,
а после спрячет в сон-траве.
…….
Знал о Колхиде Геродот
С… до нашей эры …летия.
В анналах счёт веков ведёт
Колхида и Кахетия…

И значит так: давным-давно,
шли аргонавты за руном…
Встречал их колх, а не грузин,
Об этом говорил Эсхил.

Вай, гамарджоба, дорогой –
грузину гость воистину
желанен, как никто другой!
(и тут не формалистика)

Такой гостеприимства класс,
как будто ждали только Вас,
мечтали будто бы давно
именно Вам подать вино.

Грузины любят, ценят, чтут
своей страны традиции.
Но доброту сжимает спрут
гордыни и амбиции…

С какой горы идёт вражда?
Большой Ли□хвы стынь вода
бросает брызг на берег шквал
в разрушенный войной Цхинвал…

В начале августа, тогда
чернильной ночью южною,
пришла в Осетию беда
и судьбы вмиг разрушила.

Такие нынче времена:
чуть что не так – убийств волна…
На части сыпется страна
виной всему одна она –

дурных приказов череда:
суть в кашу перемолота
суд, не имеющий стыда,
от вожделенья золота.

Наталия ПРОЦКАЯ. Poemalar